

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.11

Правильная ссылка на статью:

Корсунова В. И. Публичные досуговые практики в России: статусные различия и структурные особенности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 194—213. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.11.

For citation:

Korsunova V. I. Public Leisure Practices in Russia: Status Distinctions and Structural Features. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 5. P. 194—213. DOI: 10.14515/monitoring.2017.5.11.

В. И. Корсунова

ПУБЛИЧНЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ В РОССИИ: СТАТУСНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

ПУБЛИЧНЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ
В РОССИИ: СТАТУСНЫЕ РАЗЛИЧИЯ
И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

PUBLIC LEISURE PRACTICES IN RUSSIA:
STATUS DISTINCTIONS AND STRUCTURAL
FEATURES

КОРСУНОВА Виолетта Игоревна — стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

E-MAIL: vikorsunova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-9180-5079

Violetta I. KORSUNOVA¹ — Research Assistant

E-MAIL: vikorsunova@hse.ru

ORCID: 0000-0002-9180-5079

¹ Laboratory for Comparative Social Research, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Рассматривается структура публичных досуговых практик в России. Интерес к подобной теме объясняется способностью стиля жизни отражать социальную структуру общества. Сфера публичных досуговых практик рассматривается как поле символического неравенства, в котором проявляется стратификационная система. В существующей литературе можно выделить несколько подходов, описывающих структуру досуга. Большинство исследователей рассматри-

Abstract. This paper focuses on the structure of public leisure practices in Russia. The interest in this topic is based on the idea that lifestyle can reflect social structure of society. Public leisure activities are considered to be the field of symbolic inequality where the stratification system is manifested. Existing literature indicates three different approaches to describe the structure of leisure. At the same time, the majority of studies are focused on one particular form of leisure such as cultural consumption, sports or

вают в основном структуру отдельных форм досуга, таких как культурное потребление, спорт или гастрономические предпочтения, при этом мало внимания уделяется структуре публичных досуговых практик в целом. Кроме того, различаются результаты анализа влияния социальных детерминант на выбор той или иной формы досуговой активности. Целью данной работы является выявление особенностей структуры публичного досуга в России, а также социальных характеристик, определяющих набор досуговых практик. На основании данных Фонда «Общественное мнение» с помощью анализа латентных классов и мультиномиальной логистической регрессии было выявлено пять репертуаров досуговых практик, а также установлено, что наибольшее влияние на паттерн досуга оказывают доход, образование, возраст и место проживания.

Ключевые слова: досуг, структура досуга, публичные досуговые практики, досуг в России, символическое неравенство, социальная стратификация

Благодарность. Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100».

Введение

Досуг — одна из популярных тем в социологических исследованиях, рассматривающих социальную структуру и неравенство. Подобные работы основываются на наблюдениях, показывающих, что социальная иерархия общества отражается в стиле жизни, в том числе и в досуговых практиках индивида. Наличие подобной связи объясняется концепцией символического неравенства: демонстрация стиля жизни, заключающегося в определенных предпочтениях, становится средством для выражения собственной социальной позиции [Bourdieu, 1984; Lamont, Molnár, 2002]. Исходя из этого, рассмотрение публичных досуговых практик является важным в силу того, что за их счет в публичном пространстве формируются

gastronomic preferences while neglecting the structure of leisure activities on the whole. Furthermore, the results of the analysis of the impact of social determinants vary depending on the social context. The aim of this study is to reveal the structure of public leisure practices in Russia as well as social characteristics that shape these leisure practices. The study is based on the data provided by the Public Opinion Foundation. Using latent class analysis and multinomial logistic regression, the author offers five repertoires of leisure activities. The study shows that income, education, age and place of living also shape the leisure patterns.

Keywords: leisure, leisure structure, public leisure practices, leisure in Russia, symbolic inequality, social stratification

Acknowledgment. The study was financed by the «5—100» Program aimed to support the leading Russian universities.

и демонстрируются символические различия. Важность изучения включенности в публичные досуговые практики также основывается на их способности оказывать влияние на восприятие собственного благосостояния. Возможность участия в публичном досуге улучшает восприятие здоровья и удовлетворенности жизнью [Brajša-Žganec et al., 2011, Neo et al., 2017]. Подобное воздействие объясняется тем, что удовлетворенность досуговыми практиками оказывает влияние на восприятие условий и уровня жизни [Kuukendall et al., 2015] и, соответственно, сказывается на субъективном восприятии экономического и социального неравенства.

Учитывая важность определения форм социального неравенства, отношения между социальным устройством и стилем жизни не раз становились фокусом социологических исследований. Данная взаимосвязь рассматривалась на примере культурной активности [Peterson, Kern, 1996], культурных предпочтений [Warde et al., 2008], досуговых практик [Prieur et al., 2008], гастрономических предпочтений [Warde, Martenz, 2000].

Результаты таких исследований имеют сходные выводы: в целом отмечается наличие связи между стилем жизни и социальным статусом, а также социальным классом, при этом социальный статус лучше предсказывает культурные предпочтения, а класс — досуговые практики [Chan, Goldthorpe, 2007]. Кроме того, обнаруживается устойчивый эффект образования, а также дохода: уровень образования и экономического благосостояния влияют как на предпочтения, так и на разнообразие досуговых практик [Bourdieu, 1984; Reeves, 2015]. Отдельно стоит указать на гендерные различия, обнаруживаемые в подобного рода исследованиях: женщины более расположены к включенности в культурное потребление [Bihagen, Katz-Gerro, 2000]. Данный эффект рассматривался с точки зрения гендерных различий в социализации, приводящих к формированию различающихся диспозиций, различий в типе занятости и, соответственно, бюджете времени, а также с точки зрения конструирования символических границ [Lamont, Molnar, 2002].

Тем не менее в результатах этих исследований можно обнаружить противоречия. Во-первых, дискутируется наличие структуры досуговых практик [Katz-Gerro, 2004]. Во-вторых, значимость тех или иных социально-демографических показателей различается в зависимости от страны и региона, в котором проводится исследование. Кроме того, структура досуговых практик в России и ее связь с социальными характеристиками остается малоизученной. Таким образом, целью данного исследования является выявление паттернов публичных досуговых практик в России, а также определение социально-экономических характеристик, влияющих на тот или иной репертуар активностей, что позволит выделить основные элементы социального неравенства, выражаемого в публичном пространстве. Важным аспектом данной работы является выявление не только социальных детерминант выбора публичных досуговых практик, но также установление региональных различий в распространенности тех или иных видов публичного досуга, что также может указывать на разнообразие существующих форм символического неравенства.

Структура досуга

Вопросы стиля жизни и досуга рассматриваются на протяжении долгого времени. Т. Веблен воспринимал данные феномены в качестве способа выраже-

ния статусной позиции. Демонстративное потребление дорогостоящих товаров с целью показать свою экономическую состоятельность, участие в «элитарных» видах досуга, требующих не только большого количества экономических ресурсов, но также временных затрат и социальных связей, является способом утвердить свою позицию в социальной структуре [Веблен, 2011].

П. Бурдьё предложил свою интерпретацию взаимосвязи стиля жизни и социальной позиции. В его представлении социальная иерархия представлена классами, сформированными на основании трех измерений: экономического, социального и культурного капиталов. В то же время соответствующая классовая позиция формирует определенный стиль жизни, который усваивается индивидом в ходе социализации. Одной из основных черт класса является способность различать феномены социального пространства. Устойчивые диспозиции (габитус), приобретенные в детстве, формируют представление о социальной среде, что в дальнейшем позволяет определять нормативность того или иного действия или практики. Сложившийся на основании данных диспозиций стиль жизни в дальнейшем выражается как совокупность личных предпочтений — практики своего класса воспроизводятся не потому, что этого требует позиция, а потому, что индивид воспринимает их как собственный выбор [Bourdieu, 1984]. Другим подходом к определению структуры предпочтений можно считать концепцию «всеядности», предложенную Р. Петерсоном и Р. Керном [Peterson, Kern, 1996]. Исходя из данной концепции, через стиль жизни изменяется способ позиционирования и демонстрации социальной позиции. В данном случае более высокая социальная позиция предполагает более разнообразные практики.

Помимо этих двух подходов, существует предположение, что в современном обществе унифицируются стили жизни. Это выражается одновременно в разрушении структуры досуга и снижении влияния социальных характеристик на выбор тех или иных видов активности. Подобные процессы связываются с расширением рынка массовой продукции и услуг, предлагающего сходные товары и практики [Giddens, 1991], а также с общим повышением уровня экономического и культурного развития обществ [Beck, 1992].

Данные теоретические направления тестировались во многих исследованиях. Их результаты показывают, что паттерны досуга различаются и с точки зрения структуры, и с позиции вкладываемых в них смыслов. Включение в те или иные практики может выступать формой самовыражения или являться средством отражения классовой позиции и других социальных характеристик [Ambrasat et al., 2016]. Кроме того, публичные досуговые практики формируют статусные различия в отношении не только содержания практик, но также в объеме времени, которое отводится на них [García, 2016]. Исходя из этого, включенность в публичные досуговые практики может быть обусловлена не просто статусной позицией, но также и наличием свободного времени и физической возможности, определяемой типом трудовой занятости. Например, трудовые мигранты, занятые низкостатусным, тяжелым физическим трудом, не имеют возможности участвовать в публичном досуге не из-за сформированных диспозиций или состояния досуговой инфраструктуры, а по причине усталости и отсутствия свободного времени [Lenneis, Pfister, 2016]. Кроме того, существующая дискуссия о снижении влияния статусных

и классовых различий на стиль жизни и досуговые практики не подтверждается эмпирически. Влияние классовых характеристик остается значимым и устойчивым [Prieur et al, 2008; Petev, 2013].

Помимо индивидуальных социальных характеристик на структуру досуга влияют инфраструктурные особенности. Возможность участия в публичных практиках появляется только при наличии определенных условий. Уровень развития досуговой инфраструктуры зависит от социальных условий, например, от количества жителей [Hoeckman et al., 2016] и социального контекста. Большая включенность в публичный досуг наблюдается в странах с высоким уровнем экономического развития, а также при меньшем экономическом неравенстве [Нек, Крааукамп, 2013; Veal, 2016]. Таким образом, важно определить региональные различия в структуре досуга. Кроме того, стоит рассмотреть, какие выводы можно сделать на основании исследований досуга в России.

Исследования в российском контексте

Диверсификация стилей жизни рассматривалась также и в российских исследованиях. Р. Абрамов и А. Зудина показывают, что для представителей более высоких доходных групп, а также обладателей более высокого образовательного уровня характерна большая активность во всех жизненных сферах, в то числе в сфере досуга [Абрамов, Зудина, 2010]. О. Вапнярская говорит о конструировании индивидуальной идентичности через формирование определенного набора практик и продуктов, предлагаемых рынком [Вапнярская, 2009]. Особенности структуры досуговых практик рассматривались в работе Я. Рощиной. Автором были выделены восемь стилей жизни, которые различаются как репертуаром досуговой активности, так и социально-демографическими характеристиками. В данной работе удалось проследить несколько оснований для различения стилей жизни. С одной стороны, выделяются оппозиция «активности» и «пассивности»: включенность во всевозможные досуговые практики и низкий уровень вовлеченности в какую-либо активность. Кроме того, выделенные стили жизни различаются по содержанию практик: «спортивный» и стиль «читателей». Также можно говорить о наличии традиционной оппозиции «развлекательных» и «легитимных культурных» практик. Немаловажно отметить явное разделение стилей жизни на основании «публичности» и «приватности» входящих в них практик: стили «домашне-культурных» практик можно противопоставить стилям «развлекательных» практик и «культурных» практик. Что касается социальных различий обладателей разных стилей жизни, то здесь можно отметить важность не только классовой позиции, но также и уровня образования, дохода, возраста и пола [Рощина, 2007]. Вместе с тем, досуг может не только рассматриваться как способ социальной дифференциации, но и, наоборот, выступать в качестве объединяющего фактора. Как показали О. Гурова и Ю. Харченко, включенность в одну и ту же практику может быть характерна для представителей разных социальных слоев, благодаря чему досуг становится средством объединения разнообразных социальных групп [Гурова, Харченко, 2010].

Отдельно можно выделить исследования досуга молодежи. Исследователи отмечают низкий уровень включенности в культурные практики среди молодежи

в регионах России. Так, В. Звоновский и С. Луцева показывают, что в регионах 41 % молодых людей не были включены ни в одну из культурных практик. Авторы также отмечают важность институциональной среды: культурные практики популярнее в городах, имеющих более развитую культурную инфраструктуру [Звоновский, Луцева, 2002]. В то же время обратная ситуация наблюдается в Санкт-Петербурге. Как показало исследование М. Илле, около 40 % населения Санкт-Петербурга в возрасте 18—29 лет имеет высокий уровень культурной активности [Илле, 2007]. Особенности жизненных практик молодежи в начале 2000-х годов рассматривались в работе Е. Омельченко [Омельченко, 2003]. Как отмечает автор, на рубеже веков в среде молодого поколения происходит смешение жизненных паттернов, что, с одной стороны, приводит к размыванию статусных границ, а с другой — формирует новые репертуары практик и предпочитаемых продуктов, что отражается в индивидуализации стилей жизни. Индивидуализация предпочтений также выражается в снижении влияния семьи — предпочтения формируются под влиянием предложений современного рынка, а выбор тех или иных практик превращается в осознанный выбор. Кроме того, происходит переориентация оснований для социальной стратификации: статусные группы становятся неоднородными; на передний план выходят гендерные различия, различия в уровнях образования, а также ценностных установок: ориентация на мобильность и высокие профессиональные амбиции.

Учитывая различия в выводах предыдущих исследований, необходимо рассмотреть структуру досуга в российском контексте, а также определить, какие характеристики оказывают влияние на выбор тех или иных публичных форм проведения досуга.

Данные

Исследование основывается на данных еженедельного опроса «ФОМнибус», проведенного 15—16 декабря 2012 г. в 43 субъектах России, включающего 1500 респондентов из 100 населенных пунктов. К числу интересующих переменных относятся вопросы о публичных досуговых практиках, в которые были включены респонденты в течение последнего года. К таким практикам относятся посещение бани, сауны; библиотеки; бильярда, боулинга; зала игровых автоматов; зоопарка; интернет-кафе; кафе, ресторана; кинотеатра; концертов; кружков, клубов по интересам, курсов; музеев, выставок, экскурсий; ночных клубов, танцев, дискотеки; парков, лесов, природы; пейнтбола, страйкбола; развлекательных центров (в том числе аквапарка); спортивных матчей, соревнований; спортивных клубов; театра; торговых центров, магазинов. Каждый вопрос предполагает два варианта ответа, закодированных «0» — если респондент не был включен в практику, и «1» — если был.

В качестве независимых переменных были использованы некоторые социально-демографические характеристики. Во-первых, в анализ был включен профессиональный статус респондента. Значения данной переменной (бизнесмены, предприниматели; менеджеры; специалисты; служащие; рабочие; пенсионеры; безработные; студенты) позволяют отследить различия между несколькими видами занятости. С одной стороны, можно рассмотреть отличия между работодателя-

ми и наемными работниками, что соответствует неомарксистскому представлению о классовых различиях. С другой стороны, с точки зрения неовевеберийанской концепции также можно проследить различия между занятыми ручным и неручным трудом [Wright, 2005]. Кроме того, в соответствии с постмодернистскими представлениями, отличия в публичных досуговых практиках могут ожидать в целом между занятыми и неработающими (пенсионерами, безработными, студентами) [Giddens, 1991].

Во-вторых, в модель была включена переменная «доход». Данный показатель имеет 17 категорий, варьирующихся от варианта «менее 2000 рублей» до «свыше 60000 рублей». Влияние уровня дохода отмечается во множестве исследований и объясняется различиями в доступе к публичным досуговым практикам при разном уровне дохода.

В-третьих, в число независимых переменных был включен уровень образования, измеренный семью категориями, от «1» — «неполное среднее образования» до «7» — «аспирантура, ученая степень, звание». Сильный и устойчивый эффект образования обнаруживается во множестве исследований. Подобный эффект связан с формированием различных диспозиций при увеличении культурного капитала, одним из измерений которого является уровень образования.

В-четвертых, возможные гендерные различия также учитываются при построении модели.

В-пятых, рассматриваются эффекты, оказываемые возрастом респондентов. Отличия в досуге представителей разных возрастов основывается, с одной стороны, на различии в доступе к публичным практикам, с другой — на различии в восприятии отдельных практик, что приводит к исключению тех или иных видов активности в различных возрастных группах.

В-шестых, помимо социально-демографических характеристик, в модель включена переменная «наличие свободного времени», принимающая значения «нет свободного времени», «свободное время только в будние дни», «свободное время только по выходным и праздникам», а также «свободное время во все дни». Учет данного показателя важен, так как наличие свободного времени является важным фактором при выборе типа и интенсивности досуговых практик.

В-седьмых, в модели учитывались размер населенного пункта и федеральный округ. Различия в уровне доступа к публичным досуговым сервисам выше в крупных городах, что может также сказываться на структуре предпочтений, поэтому учет данных характеристик важен.

Методы

Для определения паттернов публичных досуговых практик был использован анализ латентных классов. Данный метод используется при наличии латентных переменных, значение которых можно определить через имеющиеся наблюдаемые показатели. Применение анализа латентных классов актуально в случае, если как наблюдаемые, так и предполагаемые латентные переменные являются дискретными [Bartholomew et al., 2011: 178]. В данном исследовании используются бинарные переменные, описывающие возможные публичные досуговые практики; кроме того, предполагается, что паттерны досуга могут представлять

собой дискретные группы, что не позволяет применять факторный анализ. Также данный метод является распространенным приемом при анализе различных форм поведения [Henry, Muthén, 2010], потребления [Alderson et al., 2007] и предпочтений [Vermunt, 2010].

Основная идея анализа латентных классов заключается в определении наименьшего числа групп, отражающих структуру взаимосвязей между наблюдаемыми переменными. Латентные классы в данном случае определяются по схожести паттернов ответов на интересующие исследователя вопросы [Magidson, Vermunt, 2004]. Число латентных классов определяется посредством сравнения моделей с разным количеством классов и выбором модели с наименьшим значением байесовского информационного критерия (BIC) [Nylund et al., 2007]. Для определения того, насколько хорошо полученная модель классифицирует наблюдения, используется показатель энтропии. Энтропия является стандартизированным показателем, варьирующимся от 0 до 1, где 0 означает, что наблюдения имеют равные шансы быть распределенными в любой из выделенных классов, а 1 говорит о том, что каждое наблюдение приписано только к одному классу. Соответственно, чем ближе значение энтропии к 1, тем лучше расклассифицированы наблюдения. В то же время данный показатель не используется для выбора наилучшей модели, а является дополнительной характеристикой выбранной [Celeux, Soromenho, 1996]. Высоким значением энтропии считается значение более 0,8, средним — более 0,6, низким — более 0,4¹.

Для анализа связи между социальными характеристиками и выделенными паттернами практик использовалась мультиномиальная логистическая регрессия.

Результаты

Паттерны досуга

В первую очередь стоит рассмотреть результаты анализа латентных классов. Наименьшее значение BIC соответствует модели с пятью латентными классами (см. табл. 1). Для данной модели характерно среднее значение энтропии (0.702).

Таблица 1. Характеристики моделей с различным количеством латентных классов

Количество классов	Лог. правдоподобие	BIC	Энтропия
2 класса	-9438.807	19162.83	0.828
3 класса	-9220.424	18872.33	0.742
4 класса	-9127.128	18832	0.741
5 классов	-9047.926	18819.86	0.702
6 классов	-9004.135	18878.54	0.682
7 классов	-8973.983	18964.5	0.679

¹ Clark S.L., Muthén B. Relating latent class analysis results to variables not included in the analysis [Электронный ресурс]. 2009. URL: <https://www.statmodel.com/download/relatinglca.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).

Всего удалось выделить пять различных паттернов публичных досуговых практик. В таблице 2 представлены вероятности включенности в ту или иную досуговую практику в каждом из паттернов. Стоит отметить, что некоторые практики, такие как посещение библиотек, залов игровых автоматов, зоопарков, интернет-кафе, кружков и клубов по интересам, пейнтбола и страйкбола. Это говорит о том, что данные практики мало распространены и не являются маркерами определенных стилей досугового потребления.

Таблица 2. Паттерны публичных досуговых практик (анализ латентных классов)

Практика	Паттерн досуга				
	активность	культурные практики	развлекательные практики	обывательские практики	пассивность
баня, сауна	0,89	0,45	0,51	0,38	0,18
библиотека	0,25	0,30	0,11	0,11	0,02
бильярд, боулинг	0,76	0,12	0,45	0,02	0,01
зал игровых автоматов	0,12	0,00	0,11	0,01	0,00
зоопарк	0,42	0,40	0,15	0,11	0,00
интернет-кафе	0,28	0,07	0,09	0,02	0,00
кафе, ресторан	0,93	0,74	0,75	0,24	0,00
кинотеатр	0,96	0,78	0,69	0,19	0,02
концерты	0,59	0,73	0,08	0,14	0,02
кружки, клубы по интересам, курсы	0,34	0,17	0,04	0,03	0,01
музеи, выставки, экскурсии	0,55	0,63	0,06	0,09	0,00
ночной клуб, танцы, дискотека	0,62	0,14	0,40	0,02	0,00
парк, лес, природа	0,97	0,76	0,59	0,63	0,18
пейнтбол, страйкбол	0,18	0,07	0,04	0,00	0,00

Практика	Паттерн досуга				
	активность	культурные практики	развлекательные практики	обывательские практики	пассивность
развлекательный центр (в том числе аквапарк)	0,75	0,26	0,17	0,08	0,00
спортивные матчи, соревнования	0,63	0,13	0,15	0,07	0,01
спортивный клуб, спортсекции, бассейн	0,73	0,20	0,28	0,06	0,01
театр	0,41	0,61	0,02	0,09	0,01
торговый центр, магазин	0,95	0,78	0,77	0,64	0,15
Доля паттерна	5%	9%	12%	35%	40%

Если переходить к непосредственному анализу выделенных паттернов, то для начала стоит рассмотреть наименее распространенный паттерн «активность», он характерен только для 5% опрошенных. Для этого паттерна характерна высокая вероятность вовлеченности в большинство предложенных досуговых практик: он объединяет развлекательные практики (посещение кафе, развлекательных центров, бильярда), повседневные практики (поход в торговые центры и магазины), а также культурные практики (посещение кинотеатров, музеев, концертов и театров). Примечательно также, что занятия спортом и посещение спортивных мероприятий входят только в данный паттерн досуга.

В противовес паттерну «активность» можно выделить паттерн «пассивность»: данный стиль характеризуется низкой вероятностью быть включенными в какую-либо публичную досуговую практику. Стоит отметить, что данный паттерн объединяет 40% опрошенных, что говорит о том, что для большого числа населения характерно исключение публичных практик собственного стиля досуга.

Кроме этого выделился паттерн досуга, в большей степени характеризующийся включенностью в культурные практики. Помимо культурных практик данный паттерн также включает в себя походы в кафе, парки и торговые центры. Это малораспространенный стиль досугового потребления: только 9% опрошенных имеют подобную структуру досуга.

Еще одним паттерном досуговых практик можно считать паттерн «развлекательных» практик: походы в баню и сауну, кафе, парки, торговые центры, кинотеатры. Данный паттерн характерен для 12% населения.

Также можно выделить паттерн «обывательских» практик, в который входят походы в парки и торговые центры. Данный паттерн объединяет 35% населения.

Статусные и региональные различия в популярности паттернов

Перейдем к рассмотрению связи между паттернами досуговых практик и социальными характеристиками респондентов. В таблице 3 представлено процентное распределение различных социально-демографических групп среди пяти выделенных латентных классов. Можно отметить, что среди низших доходных групп (менее 20 тыс. руб.) преобладают паттерны пассивности и обывательских практик. Среди более высоких доходных групп можно отметить снижение доли пассивных и увеличение доли включенных в паттерны развлекательных и культурных практик. Кроме того, в высшей доходной группе наиболее распространен паттерн активности.

Что касается профессионального статуса, то здесь можно отметить распространенность паттернов пассивности и обывательских практик среди предпринимателей. Интересное наблюдение можно сделать относительно топ-менеджеров: среди данной профессиональной группы одинаково распространены паттерны пассивности и развлекательных практик, что говорит о разнообразии возможных досуговых решений в данной группе населения. Среди менеджеров среднего звена наиболее популярен паттерн культурных практик, среди специалистов и служащих — паттерны пассивности и обывательских практик. Схожая ситуация характерна также для рабочих, однако, в отличие от служащих и специалистов, среди них наблюдается значительно меньшая доля включенных в паттерн культурных практик.

Далее стоит рассмотреть распространенность паттернов среди неработающих групп населения. Пенсионеры в большинстве своем пассивны в поле публичных практик; среди них наблюдается менее 1% включенных в паттерн развлекательных практик и паттерн активности. Среди безработных наиболее распространены паттерны пассивности и обывательских практик. Для студентов характерен паттерн развлекательных практик; помимо этого, среди студентов меньше всего пассивных. Данные результаты показывают, что, за исключением менеджеров среднего звена и пенсионеров, сложно выделить, какие именно паттерны характерны для определенной профессиональной группы.

Таблица 3. **Распространенность паттернов публичных досуговых практик в различных группах населения**

	развлекательные	пассивность	обывательские	активность	культурные
Доход:					
менее 5 тыс. руб.	10%	30%	40%	10%	10%
5—10 тыс. руб.	3%	61%	31%	1%	4%
10—20 тыс. руб.	11%	43%	36%	3%	8%
20—45 тыс. руб.	18%	23%	36%	10%	14%
более 45 тыс. руб.	21%	21%	17%	25%	17%
Профессиональный статус:					
предприниматели	13%	43%	30%	4%	9%
топ-менеджеры	43%	43%	14%	<1%	<1%

	развлекательные	пассивность	обывательские	активность	культурные
менеджеры среднего звена	13%	13%	26%	16%	32%
специалисты	11%	25%	36%	9%	19%
служащие	13%	25%	46%	6%	11%
рабочие	16%	39%	38%	3%	4%
пенсионеры	<1%	72%	24%	<1%	4%
безработные	11%	48%	33%	3%	5%
студенты	30%	10%	24%	20%	17%
Пол:					
мужчины	15%	44%	31%	5%	5%
женщины	8%	42%	35%	4%	11%
Возраст (медиана)					
	26	54	44	25	35
Образование:					
неполное среднее	3%	75%	19%	1%	3%
среднее	13%	47%	30%	4%	5%
среднее специальное	11%	41%	39%	3%	6%
высшее	13%	28%	30%	8%	21%
Размер населенного пункта:					
более 1 млн	12%	33%	32%	7%	16%
500—1 млн	13%	42%	34%	4%	7%
250—500 тыс.	19%	25%	33%	9%	14%
100—250 тыс.	10%	36%	35%	7%	12%
50—100 тыс.	6%	47%	38%	5%	4%
менее 50 тыс.	19%	33%	41%	2%	5%
ПГТ	11%	49%	31%	4%	4%
село	5%	59%	29%	3%	4%
Федеральный округ:					
Центральный	9%	41%	34%	4%	12%
Северо-Западный	23%	29%	33%	4%	11%
Южный и Северо-Кавказский	6%	63%	25%	2%	5%
Приволжский	9%	44%	34%	6%	8%
Уральский	7%	63%	23%	5%	3%
Сибирский	13%	26%	45%	7%	9%
Дальневосточный	21%	31%	40%	3%	4%

Если говорить о гендерных различиях, то можно отметить, что разница между мужчинами и женщинами характерна для паттернов развлекательных и культурных практик. У мужчин в два раза более распространен паттерн развлекательных практик, в то время как среди женщин в два раза популярнее паттерн культурных практик. В трех других паттернах различия между мужчинами и женщинами незначительны.

Также важно указать на различия в уровне образования. Среди обладателей высшего образования, в сравнении с другими группами, больше активных и включенных в культурные практики. Среди обладателей среднего и среднего профессионального образования распространен паттерн бытовых практик. Обладатели неполного среднего образования пассивны.

Помимо этого стоит рассмотреть распространенность паттернов в зависимости от внешних условий. В городах с населением более 1 млн человек меньше пассивных, при этом больше активных и включенных в паттерн культурных практик. В сельской местности большинство пассивно. Говоря о распространенности паттернов в федеральных округах, можно отметить большую популярность паттерна культурных практик в Центральном и Северо-Западном округах. Кроме того, в Северо-Западном округе больше включенных в паттерн развлекательных практик. В Уральском, Южном и Северо-Кавказском округах большинство населения пассивно. В Приволжском округе распространены паттерны пассивности и бытовых практик. В Сибирском и Дальневосточном округах преобладает паттерн бытовых практик, при этом отмечается меньшая доля пассивных и большая доля включенных в развлекательные практики, в сравнении с другими регионами.

Далее необходимо рассмотреть связь между социальными характеристиками и выделенными паттернами досуга. В таблице 4 представлены результаты мультиномиальной логистической регрессии. Принадлежность к определенному классу досуговых практик была использована в качестве зависимой переменной, при этом опорной категорией выступили «развлекательные практики». В данном случае были построены две регрессионные модели, чтобы избежать проблемы мультиколлинеарности (наблюдается наличие связи между профессиональным статусом и уровнем дохода).

При сравнении двух моделей можно отметить, что большей объяснительной силой обладает вторая модель (с доходом в качестве предиктора): псевдо $R^2 = 0,41$ против $0,27$ в первой модели. Из этого следует, что уровень дохода в данном случае лучше предсказывает структуру публичных досуговых практик, чем профессиональный статус. Если говорить о различиях профессиональных групп, то можно отметить, что значимыми оказываются только различия между предпринимателями и топ-менеджерами в вероятности быть включенными в класс «активности» и «культурных практик». Помимо этого, для безработных и пенсионеров характерна меньшая вероятность быть включенными в «развлекательные» практики.

Уровень дохода негативно влияет на вероятность быть включенным в класс «пассивности» и «бытовых практик». В то же время доход не оказывает значимого влияния на вероятность быть включенным в паттерн «активности» и «культурных практик». Помимо дохода значимым оказывается образование: чем выше

уровень образования, тем ниже вероятность быть «пассивным» или включенным в «обывательские» практики и, соответственно, выше шансы быть «активными» или иметь репертуар «культурных практик».

Рассматривая гендерные различия в вероятности обладания того или иного паттерна публичных досуговых практик, стоит отметить, что значимая разница характерна только для паттерна «культурных практик» — женщины имеют большую вероятность быть включенными в данный паттерн досуговых практик. Что касается возраста, то здесь можно отметить снижение вероятности быть включенным в паттерны «активности» и «развлекательных практик» в старших возрастных группах.

Также важно отметить влияние бюджета времени. Наличие свободного времени только в будние дни снижает вероятность быть включенным в культурные практики, а наличие свободного времени в выходные и во все дни снижает вероятность быть пассивным.

Если переходить к анализу влияния федерального округа, то здесь можно отметить, что по сравнению с Центральным ФО в Северо-Западном ФО наблюдается большая вероятность паттерна «развлекательных» практик. Схожая ситуация характерна также для Дальневосточного ФО. В Южном и Северо-Кавказском федеральных округах отмечается большая вероятность быть пассивным. То же самое характерно для Уральского ФО. Не было обнаружено значимых различий между Приволжским и Центральным федеральными округами. В свою очередь, размер города влияет на вероятность быть включенным в паттерн культурных практик. Чем меньше размер населенного пункта, тем меньше вероятность того, что его жители будут включаться в публичные культурные практики досуга.

Таблица 4. Связь паттерна публичных досуговых практик и социальных характеристик (мультиномиальная логистическая регрессия)

Зависимая переменная: паттерн публичных досуговых практик
(опорная категория — «развлекательные практики»)

	П/Р	О/Р	А/Р	К/Р	П/Р	О/Р	А/Р	К/Р
Профессиональный статус (опорная категория — предприниматели)								
Топ-менеджеры	-1.954 (1.517)	-2.271 (1.565)	-20.539*** (0.00000)	-21.619*** (0.00000)				
Менеджеры среднего звена	0.230 (1.154)	0.551 (1.075)	0.831 (1.444)	1.101 (1.239)				
Специалисты	0.891 (0.902)	1.108 (0.891)	0.529 (1.309)	0.947 (1.104)				
Служащие	0.277 (0.901)	0.688 (0.887)	-0.059 (1.325)	0.008 (1.113)				
Рабочие	0.591 (0.876)	0.669 (0.869)	-0.550 (1.314)	-0.181 (1.105)				

	П/Р	О/Р	А/Р	К/Р	П/Р	О/Р	А/Р	К/Р
Пенсионеры	13.115*** (0.415)	12.547*** (0.408)	2.111*** (0.0005)	12.711*** (0.598)				
Безработные	1.664* (0.955)	1.167 (0.947)	-0.315 (1.441)	0.012 (1.239)				
Студенты	0.029 (1.001)	0.726 (0.939)	0.365 (1.360)	1.085 (1.169)				
Доход					-0.135*** (0.043)	-0.103*** (0.040)	0.032 (0.060)	-0.049 (0.052)
Свободное время (опорная категория — нет свободного времени)								
Только в будние дни	-2.332* (1.332)	-1.035 (1.262)	1.573 (1.569)	-18.322*** (0.00000)	-2.274 (1.498)	-1.524 (1.435)	2.585 (1.665)	-11.432*** (0.0001)
Только в выходные и праздники	-1.574*** (0.364)	-0.892** (0.347)	0.496 (0.589)	-0.003 (0.448)	-1.477*** (0.409)	-0.692* (0.388)	0.574 (0.664)	-0.064 (0.489)
Во все дни	-1.399*** (0.355)	-0.819** (0.341)	0.644 (0.587)	-0.248 (0.455)	-1.061*** (0.402)	-0.559 (0.386)	0.790 (0.660)	-0.020 (0.489)
Образование	-0.347*** (0.090)	-0.190** (0.085)	0.212* (0.128)	0.161 (0.110)	-0.314*** (0.095)	-0.166* (0.089)	0.272** (0.135)	0.245** (0.113)
Размер населенного пункта	0.163*** (0.045)	0.078* (0.042)	-0.050 (0.061)	-0.057 (0.054)	0.058 (0.054)	-0.002 (0.051)	-0.059 (0.074)	-0.132** (0.064)
Пол (жен)	0.226 (0.243)	0.497** (0.229)	0.231 (0.324)	1.331*** (0.296)	-0.138 (0.284)	0.203 (0.268)	0.055 (0.394)	1.132*** (0.345)
Возраст	0.143*** (0.013)	0.112*** (0.013)	-0.023 (0.023)	0.062*** (0.015)	0.163*** (0.014)	0.115*** (0.014)	-0.042 (0.026)	0.077*** (0.015)
Федеральный округ (опорная категория — Центральный ФО)								
Северо-Западный	-1.549*** (0.377)	-1.288*** (0.344)	-1.092** (0.555)	-1.087*** (0.421)	-0.975** (0.425)	-0.848** (0.391)	-1.103* (0.613)	-0.873* (0.482)
Южный и С.-К.	1.318*** (0.427)	0.532 (0.419)	-0.274 (0.641)	-0.001 (0.526)	1.336*** (0.497)	0.514 (0.487)	-1.045 (0.893)	0.400 (0.591)
Приволжский	-0.154	-0.096	0.322	-0.082	-0.060	0.098	0.368	0.438

	П/Р	О/Р	А/Р	К/Р	П/Р	О/Р	А/Р	К/Р
	(0.345)	(0.329)	(0.456)	(0.403)	(0.413)	(0.392)	(0.535)	(0.470)
Уральский	0.828*	-0.038	0.469	-0.750	1.642***	0.352	0.724	0.184
	(0.484)	(0.485)	(0.642)	(0.690)	(0.617)	(0.623)	(0.798)	(0.783)
Сибирский	-1.142***	-0.134	0.024	-0.414	-0.891**	0.070	0.163	-0.101
	(0.370)	(0.329)	(0.455)	(0.403)	(0.414)	(0.373)	(0.519)	(0.454)
Дальневосточный	-1.463***	-0.807*	-1.140	-1.470**	-1.490***	-0.953**	-2.094*	-1.764**
	(0.492)	(0.433)	(0.853)	(0.718)	(0.549)	(0.485)	(1.210)	(0.847)
Константа	-2.997***	-2.395**	-1.331	-3.339**	-1.396	-0.419	-1.308	-3.101***
	(1.135)	(1.104)	(1.697)	(1.406)	(0.856)	(0.796)	(1.283)	(1.052)
AIC		3,069.981				2,438.146		
Псевдо R ² МакФаддена		0.27				0.41		

Примечание: * $p < 0.1$; ** $p < 0.05$; *** $p < 0.01$.

Выводы

На основании полученных результатов можно сделать несколько выводов. Во-первых, структура публичных досуговых практик в России имеет ряд особенностей. Стоит отметить наличие оппозиции «активных» и «пассивных». Преобладание паттерна «пассивность» свидетельствует о низкой вовлеченности населения в публичный досуг. Такой результат может говорить о том, что досуговые практики населения не выносятся в публичное пространство. В подобных условиях дифференциация может проявляться не просто в определенной структуре досуга, но и в целом за счет участия в публичных практиках.

Полученная структура не полностью вписывается в концепцию «всеядности». С одной стороны, выделенные паттерны различаются не только числом практик, но и их содержанием. Так, культурные практики выделились в отдельный репертуар публичного досуга. Данный результат говорит о том, что включенность в публичное культурное потребление является частным случаем досуга, характерным для небольшого числа населения, что ставит вопрос о возможности использования культурного потребления в качестве единственного индикатора досуга в России. С другой стороны, паттерны досуга определяются не профессиональным статусом, а доходом и демографическими характеристиками.

Если говорить о социальных детерминантах, то профессиональный статус плохо предсказывает паттерн досуга. Единственные значимые различия можно отметить между пенсионерами и остальными группами, то есть различия выражены не на основании профессиональной позиции, а на основании трудового статуса в целом. В то же время уровень дохода лучше определяет структуру практик. Из этого можно предположить, что различия в структуре публичных досуговых практик обусловлены не классовой или статусной дифференциацией, а разницей в доходах.

Среди других значимых социальных характеристик можно отметить образование и возраст. Эффект образования, выраженный в повышении вероятности репертуаров активности, развлекательных практик и культурных практик, ожидаем и вписывается в общую дискуссию относительно стиля жизни и досуга. Более высокий уровень образования соответствует более разнообразному репертуару досуговых практик. Возраст же понижает вероятность паттернов активности и развлекательных практик — с возрастом публичная досуговая активность снижается. Данный эффект также вполне ожидаем, хотя и может иметь разные объяснения. С одной стороны, различные возрастные группы имеют различное восприятие практик, что оказывает влияние на предпочтение того или иного репертуара досуга. С другой стороны, проблемы досуга старших возрастных когорт рассматриваются во множестве исследований, указывающих на отсутствие необходимой для включенности пожилого населения в публичные практики инфраструктуры, а также на более низкий уровень благосостояния, не позволяющий быть активным в поле публичного досуга.

Стоит отметить, что для сферы досуга в целом не характерны гендерные различия, за исключением вероятности репертуара культурных практик. Большая включенность женщин в культурные практики ожидаема, исходя из результатов предыдущих исследований [Bihagen, Katz-Gerro, 2000]. Однако стоит отметить, что вероятность включенности в другие паттерны досуга не зависит от пола.

Рассматривая региональные различия в распространенности паттернов, можно указать на большую вероятность пассивности и бытовых практик во всех регионах, за исключением Центрального и Северо-Западного ФО. Общая низкая включенность в публичные практики в регионах может свидетельствовать о слабом развитии необходимой инфраструктуры. Данный результат можно рассматривать в контексте различий в устройстве регионов — а именно преобладания небольших городов, для которых характерна меньшая доступность различных публичных сервисов, в том числе сервисов для публичных досуговых практик [Le Galés, 2002].

В заключение можно сказать, что в данной работе рассматривается структура публичных досуговых практик в России, а также ее связь с социальными характеристиками населения. Результаты говорят о том, что различия в репертуарах публичного досуга зависят не только от социальной позиции, но также определяются внешними условиями. Паттерн досуга в большей степени объясняется доходом, образованием и возрастом, однако регион проживания и размер населенного пункта также оказывают значимое влияние. В то же время неактивность большой доли населения в сфере публичных досуговых практик делает необходимым дальнейшее исследование непубличного досуга.

Список литературы (References)

Абрамов Р. Н., Зудина А. А. Социальные инноваторы: досуговые практики и культурное потребление // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 6 (100). С. 134—142. [Abramov R. N., Zudina A. A. (2010) *Sotsial'nye innovatory: dosugovye praktiki i kul'turnoe potreblenie* [Social innovators: leisure practices and cultural consumption]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6 (100). P. 134—142.] (In Russ.)

Вапнярская О. И. Тенденции современного потребления в России // Сервис в России и за рубежом. 2009. № 15. С. 54—59. [Vapnyarskaya O. I. (2009) Tendentsii sovremennoogo potrebleniya v Rossii [Tendencies of modern consumption in Russia]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Services in Russia and Abroad]. No. 15. P. 54—59.] (In Russ.)

Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Либроком, 2011. [Veblen T. (2011) The theory of the leisure class. Moscow: Librokom]. (In Russ.)

Звоновский В., Луцева С. Досуговые предпочтения молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5. С. 59—66. [Zvonovskii V., Lutseva S. (2002) Dosugovye predpochteniya molodezhi [Young people's favourite leisure activities.]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 59—66.] (In Russ.)

Илле М. Активность петербуржцев в потреблении художественной культуры // Телескоп. 2007. № 2. С. 19—22. [Ille M. (2007) Aktivnost' peterburzhtsev v potreblenii khudozhestvennoi kul'tury [Arts consumption activities of Petersburgians]. *Teleskop* [Telescope]. No. 2. P. 19—22.] (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Культурные практики и стили жизни российской молодежи в конце XX века // Рубеж (альманах социальных исследований). 2003. № 18. С. 145—166. [Omelchenko E. L. (2003) Kul'turnye praktiki i stili zhizni rossiiskoi molodezhi v kontse XX veka [Cultural practices and lifestyles of Russia's Young People at the end of XX century]. *Rubezh (al'manakh sotsial'nykh issledovanii)* [Rubezh (almanac of social studies)]. No. 18. P. 145—166.] (In Russ.)

Рощина Я. М. Дифференциация стилей жизни россиян в поле досуга // Экономическая социология. 2007. Т. 8. № 4. С. 23—2. [Roshchina Ya. M. (2007) Differentsiatsiya stilei zhizni rossiyan v pole dosuga [Differentiation of leisure lifestyles of Russians]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 8. No. 4. P. 23—2.] (In Russ.)

Гурова О. Ю., Харченко Ю. В. Спортинг: спорт, досуг и стили потребления в современной России // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 2. С. 73—90. [Gurova O. Yu., Kharchenko Yu. V. (2010) Sporting: sport, dosug i stili potrebleniya v sovremennoi Rossii [Sporting: Sport, Leisure and Consumption in Contemporary Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 11. No. 2. P. 73—90.] (In Russ.)

Alderson A. S., Junisbai A., Heacock I. (2007) Social status and cultural consumption in the United States. *Poetics*. Vol. 35. No 2. P. 191—212.

Ambrasat J., Scheve C., Schauenburg G., Conrad M., Schröder T. (2016) Unpacking the Habitus: Meaning Making Across Lifestyles. *Sociological Forum*. Vol. 31. No. 4. P. 994—1017.

Bartholomew D. J., Knott M., Moustaki I. (2011) Latent variable models and factor analysis: A unified approach. N.-Y.: John Wiley & Sons. <https://doi.org/10.1002/9781119970583>.

Beck U. (1992) *Risk society: Towards a new modernity*. London: Sage.

Bihagen E., Katz-Gerro T. (2000) Culture consumption in Sweden: The stability of gender differences. *Poetics*. Vol. 27. No 5—6. P. 327—349.

Bourdieu P. (1984) *Distinction: A social critique of the judgment of taste*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

Brajša-Žganec A., Merkaš M., Šverko I. (2011) Quality of life and leisure activities: How do leisure activities contribute to subjective well-being? *Social Indicators Research*. Vol. 102. No. 1. P. 81—91.

Celeux G., Soromenho G. (1996) An entropy criterion for assessing the number of clusters in a mixture model. *Journal of classification*. Vol. 13. No. 2. P. 195—212.

Chan T. W., Goldthorpe J. H. (2007) Class and status: The conceptual distinction and its empirical relevance. *American sociological review*. Vol. 72. No. 4. P. 512—532.

García J. (2016) Time use patterns of Spanish people at weekends: in search of what, who and when. *Leisure Studies*. P. 1—18. <https://doi.org/10.1080/02614367.2016.1252786>.

Giddens A. (1991) *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford, Calif: Stanford University Press.

Hek M., Kraaykamp G. (2013) Cultural consumption across countries: A multi-level analysis of social inequality in highbrow culture in Europe. *Poetics*. Vol. 41. No. 4. P. 323—341.

Henry K. L., Muthén B. (2010) Multilevel latent class analysis: An application of adolescent smoking typologies with individual and contextual predictors. *Structural Equation Modeling*. Vol. 17. No 2. P. 193—215.

Heo J., Chun S., Kim B., Ryu J., Lee Y. (2017) Leisure activities, optimism, and personal growth among the young-old, old-old, and oldest-old. *Educational Gerontology*. Vol. 43. No. 6. P. 289—299.

Hoekman R., Breedveld K., Kraaykamp G. (2016) A landscape of sport facilities in the Netherlands. *International Journal of Sport Policy and Politics*. Vol. 8. No 2. P. 305—320.

Katz-Gerro T. (2004) Cultural consumption research: review of methodology, theory, and consequence. *International Review of Sociology*. Vol. 14. No. 1. P. 11—29.

Kraaykamp G., Van Eijck K. (2010) The intergenerational reproduction of cultural capital: A threefold perspective // *Social Forces*. Vol. 89. No. 1. P. 209—231.

Kuykendall L., Tay L., Ng V. (2015) Leisure engagement and subjective well-being: A meta-analysis. Vol. 141. No. 2. P. 364—403.

Lamont M., Molnár V. (2002) The study of boundaries in the social sciences. *Annual review of sociology*. Vol. 28. No. 1. P. 167—195. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.28.110601.141107>.

- Le Galès P. (2002) *European Cities: Social Conflicts and Governance: Social Conflicts and Governance*. Oxford: Oxford University Press. <http://www.oxfordscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780199243570.001.0001/acprof-9780199243570>.
- Lenneis V., Pfister G. (2017) Too tired for exercise? The work and leisure of female cleaners in Denmark. *Leisure Studies*. Vol. 36. No. 4. P. 530—541. <http://dx.doi.org/10.1080/02614367.2016.1216579>.
- Magidson J., Vermunt J. K. (2004) Latent class models. In: Kaplan D.(ed.). *The Sage handbook of quantitative methodology for the social sciences*. Thousand Oaks, London, New Delhi: Sage Publications. P. 175—198. <https://doi.org/10.4135/9781412986311.n10>.
- Nylund K. L., Asparouhov T., Muthén B. O. (2007) Deciding on the number of classes in latent class analysis and growth mixture modeling: A Monte Carlo simulation study. *Structural equation modeling*. Vol. 14. No. 4. P. 535—569. <https://doi.org/10.1080/10705510701575396>.
- Peterson R. A., Kern R. M. (1996) Changing highbrow taste: From snob to omnivore. *American sociological review*. Vol. 61. No. 5. P. 900—907. <https://doi.org/10.2307/2096460>.
- Petev I. (2013) The association of social class and lifestyles: Persistence in American sociability, 1974 to 2010. *American Sociological Review*. Vol. 78. No. 4. P. 633—661. <https://doi.org/10.1177/0003122413491963>.
- Prieur A., Rosenlund L., Skjott-Larsen J. (2008) Cultural capital today: A case study from Denmark. *Poetics*. Vol. 36. No. 1. P. 45—71. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2008.02.008>.
- Reeves A. (2015) Neither class nor status: Arts participation and the social strata. *Sociology*. Vol. 49. No. 4. P. 624—642. <https://doi.org/10.1177/0038038514547897>.
- Veal A. (2016) Leisure, income inequality and the Veblen effect: cross-national analysis of leisure time and sport and cultural activity. *Leisure Studies*. Vol. 35. No. 2. P. 215—240. <https://doi.org/10.1080/02614367.2015.1036104>.
- Vermunt J. K. (2010) Latent class modeling with covariates: Two improved three-step approaches. *Political analysis*. Vol. 18. No. 4. P. 450—469. <https://doi.org/10.1093/pan/mpq025>.
- Warde A., Martens L. (2000) *Eating out: Social differentiation, consumption and pleasure*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511488894>.
- Warde A., Wright D., Gayo-Cal M. (2008) The omnivorous orientation in the UK. *Poetics*. Vol. 36. No. 2—3. P. 148—165. <https://doi.org/10.1016/j.poetic.2008.02.004>.
- Wright E. O. (2005) *Approaches to class analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CB09780511488900>.